

Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе ихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:

Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.

Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности — орудіе плача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья

Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча.
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ
взоромъ,

Отжѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вожда всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ —

И вы окрѣпли вновь въ тѣни его дер-
жавы,

И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.

Одинъ — онъ былъ вездѣ, холодный, неиз-
мѣнный,

Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ
молвы,

Въ пескахъ египетскихъ, у стѣнъ покор-
ной Вѣны,

Въ снѣгахъ пылающей Москвы.

А вы что дѣлали, скажите, въ это время.
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрасали власть избранную, какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!

Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилий,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили

И, какъ рабы, вы предали его! [нина,
Лишенный правъ святыхъ и мѣста гражда-
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бро-
силъ самъ,

И вамъ оставилъ онъ въ залогъ родного

Вы сына выдали врагамъ! [сына —
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ —

И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забывтый, онъ угасть одинъ —

Одинъ, замученный враждою неумѣстной,
Безмолвною и гордою тоской,

И, въ боевомъ плащѣ, какъ ратникъ не-
Зарытъ наемною рукой... [извѣстный,

Но годы текли, и вѣтрое племя
Бричить: «Подайте намъ его священный
прахъ!

Онъ нашъ; теперь его, грядущей жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣ-

И возвратился онъ на родину. Безумно, [нахъ!»
Какъ прежде, вокругъ него тѣснятся и бѣгутъ,
И въ пыльный гробъ, среди столицы шумной,

Останки тѣлныя кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!

И, краткій свой восторгъ смѣнивъ уже дру-
гимъ,

Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣ-
Толпа, дрожащая предъ нимъ! [хотьъ

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина

Вокругъ того, кто столько лѣтъ въ пустынѣ
Такъ жадно ждалъ — спокойствія и сна!

И если духъ вожда примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодование

При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ

странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ, непобѣдимый,

Какъ онъ, великій океанъ!

Сосѣдка.

Не дожидаться мнѣ видно свободы,
А тюремные дни будто годы;

И окно высоко надъ землей,

И у двери стоитъ часовая.

Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,

Кабы не было милой сосѣдки...

Мы проснулись сегодня съ зарей;

И кивнулъ ей слегка головой.

Разлучивъ, насъ сдружила неволя,

Познакомила общая доля,

Породнило желанье одно,

Да съ двойною рѣшеткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,

Волю дамъ ненасытному взгляду —

Вотъ напротивъ окошечко стукъ!

Зававѣска подымется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка?

Опустилась на ручку головки,

А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,

Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая,

И сидитъ она долго, вздыхая;

Видно, буйную думу тая,

Все тоскуешь по волѣ, какъ я.

Не грусти, дорогая сосѣдка!

Захоти лишь — отворится клѣтка,

И, какъ божія птички, вдвоемъ

Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ уградешь,

Сторожей за пирушку усадишь;

А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ две-

Постараюсь я справиться самъ. [ряжъ,

Избери только ночь потемнѣе,

Да отцу дай вина похмѣльнѣе,

Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,

На окно полосатый платокъ.

Изнанный рыцарь.

Молча сижу подъ окошечкомъ темницы.

Синее небо отсюда мнѣ видно:

Въ небѣ играютъ все вольныя птицы;

Глядя на нихъ, мнѣ и больно, и стыдно.